

**САКРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА**

Терешкина Д. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал) (Великий Новгород, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>
SPIN-код: 8928-3482

А н н о т а ц и я . Статья посвящена изучению сакральной лексики в «Толковом словаре русского языка» (ТСРЯ) под редакцией Д. Н. Ушакова. Состав сакральной лексики ограничен в статье лексемами, связанными с религиозной сферой православного христианства, подвергшегося в период становления советской власти наиболее сильной обструкции. Анализируется количественный состав сакральной лексики в ТСРЯ, способы репрезентации значений отдельных лексем, приемы десемантизации и десакрализации лексических единиц, относящихся к христианской культуре. Материалом для анализа послужил полный корпус ТСРЯ, а также соответствующие (привлекаемые для сопоставления) статьи Словаря русского языка под редакцией Я. К. Грота, А. А. Шахматова и др. (СПб., 1891–1936). Особое внимание уделено иллюстративному материалу словарных статей. Научная новизна статьи связана с обобщением результатов комплексного анализа речевых стратегий авторов статей ТСРЯ в процессе репрезентации сакральной лексики в наиболее «безбожный» период советской истории России. Выводы из настоящего исследования коррелируют с имеющимися наблюдениями над спецификой ТСРЯ. Показано, что составителям ТСРЯ удалось сохранить в словаре сакральную лексику в достаточном объеме, с корректными значениями, а также найти оптимальное соотношение между православной картиной мира русскоговорящих и новыми требованиями советского руководства, осуществлявшего непосредственный надзор над работой по составлению словаря. Речевыми стратегиями, позволившими вписать сакральную лексику в словарь советской эпохи, стали: применение строчных букв в словах, традиционно писавшихся с прописной; исключение сакральных значений многозначных слов (напр., «владыка»); система помет, относящих слово с сакральным значением в сферу «христианской мифологии» или поэтического языка; комплекс речевых оборотов в области значения слова в словарной статье («так называемый», «из мира фантазии» и др.); десемантизация сакральной лексики посредством указания употребления лексемы лишь в значении междометия (напр., «Господи», «Боже» и др.); цитаты из сочинений идеологов советской эпохи в качестве иллюстративного материала к слову с сакральным значением и др. ТСРЯ представляет собой уникальный документ эпохи, отразивший переломный период и в истории России, и в русском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сакральная лексика; десакрализация; языковая ситуация; христианская мифология; десемантизация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Терешкина, Д. Б. Сакральная лексика в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова / Д. Б. Терешкина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 91–102. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-91-102.

**SACRED VOCABULARY IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY
OF THE RUSSIAN LANGUAGE” EDITED BY D. N. USHAKOV**

Darya B. Tereshkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPА) (Novgorod Branch) (Veliky Novgorod, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>

A b s t r a c t . The article studies sacred vocabulary in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” (EDRL) edited by D. N. Ushakov. The scope of the sacred vocabulary under study is limited in the article to the lexemes related to the religious sphere of Orthodox Christianity, which was subjected to the most severe obstruction during the first years of the Soviet power. The article analyzes the quantitative aspect of the sacred vocabu-

lary in the EDRL, the ways of meaning representation of individual lexemes, and the techniques of desemantization and desacralization of lexical units related to Christian culture. The practical research material embraces the complete corpus of the EDRL, as well as the corresponding articles (used for comparison) of the Dictionary of the Russian language edited by Ya. K. Grot, A. A. Shakhmatov, et al. (St. Petersburg, 1891–1936). Special attention is paid to the illustrative material of dictionary entries. The scientific novelty of the article is associated with the generalization of the results of a comprehensive analysis of the speech strategies of the authors of the EDRL articles in the process of the sacred vocabulary representation in the most “godless” period of the Soviet history of Russia. The conclusions of this study correlate with the available observations of the specificity of the EDRL. It is shown that the authors of the EDRL managed to preserve the sacred vocabulary in the dictionary in sufficient volume, with relevant meanings, as well as to find the optimal balance between the Orthodox worldview of Russian speakers and the new requirements of the Soviet leadership, who directly supervised the work on compiling the dictionary. The speech strategies that made it possible to include sacred vocabulary into the dictionary of the Soviet era were: the use of lowercase letters in words traditionally capitalized; the exclusion of sacred meanings of polysemous words (e.g., “vladyka”); a system of notes referring a word with a sacred meaning to the sphere of “Christian mythology” or poetic language; a set of speech formulae in the field of the word meaning in a dictionary entry (“so-called”, “from the world of fantasy”, etc.); desemantization of sacred vocabulary by specifying the use of a lexeme only in the function of an interjection (e.g., “Lord!”, “God!”, etc.); quotes from the writings of ideologists of the Soviet era as illustrative material to a word with a sacred meaning, etc. The EDRL is a unique document of the epoch, reflecting a turning point in the history of Russia and in the Russian language.

Key words: sacred vocabulary; desacralization; linguistic situation; Christian mythology; desemantization

For citation: Tereshkina, D. B. (2023). Sacred Vocabulary in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 91–102. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-91-102.

Введение

История создания «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСРЯ), разрачивавшаяся в молодом советском государстве, хорошо известна по исследованиям, предпринятым уже в наше, постсоветское время [Аванесов 1973; Науменко 2018а; Науменко 2018b; Нефёдов, Нефёдова 2013; Никитин 2016а; Никитин 2016b; Легенда... 2023; Стукова 2022]. Эта история была захватывающей, местами драматичной, но в любом случае показательной: первый в советское время толковый словарь стал удобной площадкой борьбы – политической, социальной, научной, мировоззренческой и даже межличностной. Приходится удивляться, что словарь как факт общественной и научной жизни состоялся в полном объеме¹ – хотя бы в том смысле, что вышли все запланированные тома², причем в достаточно короткие сроки, несмотря на перевыпуск первого тома и многочисленные административные преграды [Ушаков 1935].

Несомненно, объем словаря мог быть и гораздо большим: исключению подверглись обширные фрагменты текста, ценные в научном отношении, но не укладывавшиеся в идеологию времени³. Основные принципы отбора слов для словаря и составления словарных статей обозначены самими составителями. Они прописаны в слове «От редакции», предваряющем первый том: «История больших словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи. Изучая словари, можно видеть, что привносилось в накопленное ранее богатство, что и как в нем перерабатывалось новым, завоевывавшим господство классом. Выпускаемый теперь словарь — попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать установившиеся нормы упо-

¹ Этому способствовало несколько причин, которые можно отчасти считать счастливыми случайностями [Никитин 2016а; Никитин 2016b].

² Количество томов увеличилось с 2 до 4, о чем было сообщено в предваряющий второй том заметке «От редакции».

³ См., напр., отдельный сюжет о сокращении, по требованию властей, иллюстративного материала к слову «Бог», о чем искренне сетовал Д. Н. Ушаков [Никитин 2016а: 60]. Процедура «секвестирования» языкового материала касалась, по понятным причинам, прежде всего сакральной лексики.

требления слов» [ТСРЯ, т. 1, с. [5]¹].

«Процесс переработки словарного материала» состоял в целом комплексе приемов работы составителей словаря, в том числе в отношении той области русского языка, которая подверглась наибольшей обструкции при советском режиме: сакральной лексики². В задачу нашей статьи входит обзор слов с сакральным значением, входящим в ТСРЯ, а также описание приемов работы составителей ТСРЯ, позволивших включить в словарь основной состав сакральной лексики, входящей в активную речевую практику первой половины XX в.

Вопрос о терминологии при изучении сакральной лексики

Следует внести ясность в терминологию вопроса и задачи нашего исследования.

Термин «сакральный», не получивший в лингвистике однозначного толкования [Казаков 2016, Смирнова 2014], мы употребляем в следующем значении: «относящийся к религиозному культу; священный, ритуальный» [Евгеньева 1999]. Важно

иметь в виду, что слова «сакральный» нет ни в словаре Ушакова, ни в прочих словарях вплоть до середины XX в., будучи восполненным в своей семантике словами «священный» и «святой» [Казаков 2016: 6]. Применительно к словарю под редакцией Д. Н. Ушакова мы употребляем термин «сакральный» в обобщающем смысле, как обозначение целого круга слов, составляющих понимание присутствия Божественного в реалиях мира. В этом смысле термин «сакральный» не тождествен терминам «церковный» и даже «религиозный» в широком понимании последнего. В своем исследовании мы придерживаемся узкого понимания термина «религиозный», при котором «в состав религиозной лексики включаются единицы, связанные только со сферой "Религия", и исключаются слова и сочетания, номинирующие лица, предметы и явления сферы "Церковь"» [Смирнова 2014: 94]. В список сакральной лексики, находящейся в ТСРЯ, мы не включаем большое число слов, номинирующих лиц духовной иерархии, названия церковной утвари и архитектурных деталей культовых строений, не имеющие сакрального значения, и другие подобные лексемы. Таким образом, в сакральную лексику нами включаются те языковые единицы, которые касаются *религиозного мировоззрения*, обозначают «противоположные начала: "божественное" и "богопротивное", что отражает двойственную семантику латинского *sacer*» [Казаков 2016: 38].

Не включаются нами в сакральную лексику и церковнославянизмы («око», «рамена», «перст» и проч.), хотя, согласно речевой практике, к первой трети XX в. они стали, в большинстве своем, включаться в сакральный дискурс: имея прежде всего книжное употребление, эти слова входили в лексико-семантическое поле «божественное» опосредованно, через литературное творчество, напрямую не всегда будучи апеллируемы к их религиозному значению или контексту.

Наконец, в наше рассмотрение сакральной лексики в ТСРЯ не будут входить те лексемы, которые обозначают сакральные понятия нехристианских религий. Это сфера народных верований, не только русских: пантеон языческих богов, слова, очерчивающие круг языческой демоноло-

¹ В издании первого тома 1934 года пагинация раздела не дана; следующий за ним раздел «Условные сокращения» содержит пагинацию римскими цифрами по столбцам, но начинается с XIII столбца. Как известно, издание первого тома 1934 года осуществлялось в крайне неблагоприятных обстоятельствах научной и политической полемики и вышло ничтожным тиражом; в 1935 году т. 1 был переиздан [Никитин 2016а: 53]. Нами цитаты первого тома приводятся по изданию 1934 г. из библиотеки Словарного кабинета кафедры филологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

² Републикация фрагментов статей М. Горького, откликнувшегося в 1934 г. на историю с подготовкой ТСРЯ в газете «Правда» [Никитин 2016б], позволяет прочувствовать накал страстей вокруг первого словаря советского государства: «Понимая важность ряда понятий и явлений прошлого и необходимость их отображения в произведениях, он (М. Горький – Д. Т.) считал, тем не менее, что «теологи насорили очень много слов, осмысленных ложью: бог, грех, блуд, ад, рай, геенна, смирение, кротость и т. д. Лживый смысл этих слов, – писал он в статье "О языке", – разоблачен, и хотя скорлупа некоторых, например[,] слова "ад" осталась, но наполняется иным, уже не мистическим, а социальным смыслом» [Никитин 2016б: 29]. М. Горький призывал к созданию нового языка, называя, в том числе, церковнославянизмы «паразитивным хламом» [Там же].

гии, суеверий, примет, фольклорных практик (заговоров и проч.). Таким образом, сакральную лексику мы ограничиваем узким пониманием религиозной лексики, причем лексики христианской религии.

Корпус сакральной лексики в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

Следует отметить, что даже при подобном ограничении список лексических единиц ТСРЯ, имеющих сакральное значение, насчитывает около 350 наименований. Это число соотносимо с тем, что указывают исследователи применительно к современному нам состоянию русского языка (Г. А. Казаков приводит список из 357 единиц сакральной лексики русского языка [Казаков 2016: 41–60]), в состав которой входят «следующие группы: сакральные восклицания, сакральные действия, имена Божества, духовные существа, сакральные предметы, наименования сакрального пространства, духовные саны, священные события, сакральные эпитеты» [Казаков 2016: 60].

Количественный состав сакральной лексики ТСРЯ – важный показатель в нескольких отношениях.

Во-первых, такой внушительный список сакральной лексики в словаре, создававшемся (официально, т.е. под надзором властей) в объявившем себя антихристианским обществе, говорит о том, что живая речевая практика бытовала вне официальных идеологий и даже вне общепринятых (не всегда официальных) конъюнктурных взглядов, приспособляющихся к требованиям времени. Как известно, позиция Д. Н. Ушакова и его соратников была принципиальной в отношении к научности издания словаря: он должен отражать текущую речевую ситуацию, по возможности при минимуме купюр и умолчаний. Следовательно, сакральная лексика в тридцатые годы XX в. составляла большую и привычную часть тезауруса русского человека.

Во-вторых, намеренное сокращение нами групп сакральной лексики ТСРЯ (по сравнению, например, с современным нам русским языком первой трети XXI в.) связано как раз с тем, что те лексические единицы, которые век назад воспринимались как нейтральные (например, названия духовных лиц, некоторых церковных пред-

метов и др.), сейчас во многих случаях приобрели сакральное значение в связи с возвращением Христианства как основы культурного кода русскоязычного населения России. В этом смысле составители ТСРЯ и его современные нам читатели находятся в совершенно разных исторических, культурных и языковых условиях. Если Д. Н. Ушаков и его соратники старались «штушевать» значение сакральной лексики в речевой практике современного им народа – носителя языка, то сейчас мы, вернувшие в своем сознании сакральность религиозного дискурса (а не его «прикладной», утилитарный, как «обслуживающий культ» характер), констатируем, насколько представительным и естественным в первые десятилетия советской власти был этот сектор русского языка, связанный с христианским мировоззрением.

Учет этого обстоятельства позволяет несколько иначе посмотреть на принцип составления статей ТСРЯ. С одной стороны, отсутствие сакрального значения в словарной статье того или иного слова (например, «отец» или «владыка») может восприниматься не только как «дань времени», но и как умолчание о том, что а priori понятно верующим, составляющим часть советского общества. В этом смысле ТСРЯ рассчитывал на такого читателя, который, если исповедовал христианство, вынужден был смириться с «потаенным» положением в советском государстве – подобно тому, как в катакомбах укрывались первые христиане, – и одновременно уметь читать «между строк» и по-новому смотреть на понятие сакральности: как проверку истинности своей веры в Христа, Самого гонимого за веру и её проповедование. С другой стороны, современным составителям ТСРЯ читателям не приходилось объяснять многое из того, что носителям русского языка начала третьего тысячелетия (особенно живущим вне постоянно актуализируемого религиозного дискурса) приходится пояснять. Так, например, слово «скоромить» в ТСРЯ толкуется следующим образом: «Кормить скоромной пищей в постный день» [ТСРЯ 1940, 4: стб. 231]. Слово «скоромный» современному нам человеку (только если он не воцерковлен или хорошо начитан) нуждается в по-

яснении (слово «пост» при этом может быть более понятным). В этом смысле составители ТСРЯ находились в более благоприятной атмосфере «узнавания» читателем сакральной лексики, и сокращение языкового (в том числе иллюстративного) материала было не столько их «политикой» в отношении этой части русской лексики, но и совершенно обыденной практикой.

Тем не менее «политику» обращения с языковым материалом Д. Н. Ушакову и его единомышленникам приходилось вырабатывать, чтобы сохранить в словаре лексику, не вписывавшуюся в советскую идеологию [Стукова 2022]. В эту стратегию входил целый ряд приемов.

Приемы десакрализации

Главным из них стал перевод сакрального значения в «профанный» план, достигавшийся путем снижения сакрального значения слова или низведения его до сугубо утилитарного. Таково, например, слово «венчик». В ТСРЯ сакральное его значение (шестое по счету) представлено так: «бумажная лента с религиозными изображениями, накладываемая у православных на лоб покойника при погребении (церк.)» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 248]. Конечно, ни о какой отсылке семантики венчика к ожидаемому венцу славы христианина, жившего праведно, в Царствии Небесном в ТСРЯ не упоминается.

Приемами десакрализации стали также следующие.

1. Написание со строчной буквы именований высших в христианстве сил, традиционно писавшихся с прописной буквы: «Бог», «Богородица», «Святой Дух» и др. При этом названия церковных праздников сохраняют написание с прописных букв, а в статье слова «праздник» первым значением приводится именно религиозное значение: «в религиозном обиходе – день (или несколько дней подряд), посвященный памяти какого-н. религиозного (исторического или легендарного) события или так наз. святого (церк.)» [ТСРЯ 1939, 3: стб. 699], и лишь затем следуют значения этого слова «день торжества в память какого-н. выдающегося исторического, гражданского события», «официально установленный общий день отдыха по таким дням». Очевидно, что ситуация 30-х годов XX в. была та-

кой, когда гражданские праздники еще не были главенствующими; народный календарь, отсчитывающийся по церковным праздникам года, был более актуальным.

2. Именованье христианской религии «христианской мифологией» в толкованиях слов и вписывание её, таким образом, в систему веры в потусторонние силы самого разного генезиса (народная демонология, суеверия и проч.).

3. Оговорки в толкованиях слов с сакральным значением («так называемый», «в мире фантазии» и проч.), снимающих с них сакральный ореол. См., напр., «видение (книжн.) – образ, явление из мира фантазии, воображения; призрак, привидение» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 288–289]. Системной оговоркой составители словаря – представители советского научного сообщества – словно дистанцировались от верующих, кто еще жил «пережитками прошлого». Впрочем, такого рода «маскарадная» форма коммуникации, когда говорилось (или писалось) не то, что думалось на самом деле, достигшая в эпоху развитого социализма в середине и второй половине XX в. наибольшего расцвета, в сталинскую эпоху 30-х годов уже начинала превращаться в своего рода систему двуязычия, разделявшего русский язык на «официальный» и «демократический».

4. Система стилистических помет, при помощи которых составители ТСРЯ «маскировали» сакральную лексику в общем составе прочих слов русского языка. Таковы пометы: *устар.*, *книжн.*, *церк.*, *церк.-книжн.*, *церк.-слав.*, *религ.*, *поэт.*, *нар.-поэт.* и проч. [Пестова 2020; 2021]. Если есть возможность при помощи стилистических помет полностью избежать сакрального значения слова, это систематически выдерживается (см., напр., «горлица»). Вытеснение религиозного значения наблюдается в отношении ключевых для христианства слов, напр.: «завет», «крест», «крестопклонный» и др. Стоит подчеркнуть, что перевод сакральной лексики в сферу поэтического и в целом книжного, риторического бытования во многом стало основой для построения «новой религии», т. е. десакрализации по модели «создания кумира» и «обрядового почитания» уже советских героев, идей и отдельных нарративов (Ленин,

который «живее всех живых», «вождь», «ум, честь и совесть» и проч.). «В светских контекстах сакральная лексика может выступать как средство создания религиозно-возвышенного стиля... сакральная лексика обладает большим потенциалом как средство языкового воздействия в сфере идеологического строительства, конструирования религиозной, культурной и национальной идентичности и т. п.» [Казаков 2016: 135].

5. Исключение из системы значений того или иного слова сакральной семантики. Таковы, например, слова «владыка», «закон», «искуситель», «жизнь», «заключить», «венец», «жизнедавец» и проч.

6. Десемантизация сакрального значения слова производится, в том числе, в упоминании этого слова лишь в качестве междометий, составных частей фразеологизмов и др. (напр., «господи», «грешно» и др.).

7. Десакрализация в формулировках значений тех или иных слов, обозначающих христианские святыни, представляемых лишь как предметы религиозного культа (напр., «гробница», «икона»).

8. Иллюстративный материал словарных статей организован так, чтобы избежать примеров употребления слова, связанных с религиозной тематикой. В этом случае русская классика становилась своего рода «щитом», за которым можно было спрятать любое слово с сакральным значением; авторитет русских писателей был непререкаем. Кроме того, это позволяло вписывать сакральную лексику в регистр поэтической речи. Следует отметить случай явной замены ожидаемой иллюстрации совершенно иным примером: слово «завет» толкуется как «наставление, воля, совет, данные последователям или потомкам (преимущ. умершего)», а пример употребления слова – «Заветы Ильича» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 899]. Следует отметить, что такие случаи немногочисленны и в целом соответствуют приведенному толкованию слова.

9. Своего рода «приметой времени» становится соседство в ТСРЯ слов с весьма далеким друг от друга значением. Таковы слова с корнем «рай-» с сакральной семантикой и с «рай-» как частью новых в лексике русского языка сложных слов со значением «районный» («райком», «райсовет»,

«районировать» и др. – все с пометами «нов.» и «офиц.») [ТСРЯ 1939, 3: стб. 1209]. Эта случайность не была бы особенно значимой (любой словарь полон подобных совпадений), если бы не известный факт, касающийся пристального внимания цензоров словаря к соседству тех или иных слов¹. В любом случае, ТСРЯ, как никакой иной словарь, отражает сложные процессы языковой практики первой трети XX в., когда новые реалии, выраженные в языке, сосуществовали с вековыми традициями и порой вытесняли их в сознании носителей языка (учитывая, что слово вроде «райком» употреблялось в речи людей того времени чаще, чем корень «рай» в его сакральном значении).

Следует отметить, что при всех механизмах редукции сакрального значения многих слов в ТСРЯ, его составители были объективны в отношении религиозных понятий, насколько это было возможно. Об этом говорят статьи слов «зло» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 1101], «духоборы» [Там же: стб. 815], «кошунствовать» [Там же: стб. 1494] и др. Согласимся с утверждением, что «одной из областей языкознания, которая довольно успешно и последовательно развивалась в эти годы и даже в чем-то противостояла «общей линии», была лексикография» [Никитин 2016b: 28].

Как известно, Д. Н. Ушаков и коллектив составителей ТСРЯ старались к максимальной полноте отражения современной им языковой практики. Однако в отношении сакральной лексики интересным было бы сопоставление ТСРЯ с другими словарями, прежде всего дореволюционными, где, вероятно, слов с религиозным значением должно было отразиться гораздо больше. В наши задачи не входит сравнение всего корпуса сакральной лексики в ТСРЯ с таким корпусом в иных словарях, тем более что современный ТСРЯ Толковый словарь Грота-Шахматова (далее – СГШ) (начавший свою историю еще до революции) так и не был доведен до конца

¹ Такой случай описан О. В. Никитиным: требование цензоров устранить нежелательное соседство слов «ленинец» и «ленивый» встретило решительное сопротивление Д. Н. Ушакова, отстаивавшего научные, а не идеологические принципы составления словника [Никитин 2016a: 60].

[Круглов 2015]. Однако в отношении одного примера можно провести такое сопоставление, чтобы представить себе, хотя бы частично, принципы отбора сакральной лексики для своего словаря составителями ТСРЯ. Это слово «Бог» и слова с корнем «Бог-/Бож-», поскольку «слово "Бог", пожалуй, можно назвать центральным в поле лексики сакрального значения» [Казаков 2016: 103].

Слова с корнем «бог-/бож-» в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

Слово «Бог» в СГШ первым значением приводит следующее: «Единое предвечное и всемогущее Существо, Творец и Вседержитель мира, истинный Бог» [СГШ 1891, 1: стб. 226]. Примечательно, что толкование слова дано таким образом, словно в том, что это толкование утверждает, нет никакого сомнения; кроме того, это толкование шире необходимого лексического значения (дополнение «истинный Бог» является, по сути, тезисом, направленным против предполагаемых оппонентов христианства как официальной религии в дореволюционной России). Всего в СГШ пять значений слова «Бог», из которых только первое имеет сакральную христианскую семантику. Но к первому (основному из них) приведено большое количество устойчивых выражений, а также пословиц и поговорок: «слава Богу», «благодаря Бога», «Бог знает», «Бог весть», «ей-Богу», «видит Бог», «Бог подаст», «Бог посетил», «Бог с тобой», «ради Бога», «Бог мой!», «ну вас к Богу», «Бог в помощь», «Без Бога ни до порога», «Бог тебе судья» и др., всего 40 словосочетаний и предложений. В свою очередь, в ТСРЯ слово «Бог» приводится с единственным значением: «По религиозным верованиям – верховное существо, стоящее будто бы над миром или управляющее им» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 159]. Это определение так же избыточно, только в противоположном значении: в указании на сакральное значение слова достаточно было ограничиться оговоркой «по религиозным представлениям» и не усиливать его оборотом «будто бы», являющимся, в свою очередь, полемическим по отношению к исповедующим христианство, оказавшимся за пределами официальной идеологии. Иллюстратив-

ный материал статьи начинается с пространной цитаты из сочинений В. И. Ленина, в которой «бог» (со строчной буквы) изображается «идеей», которой «пользуются господствующие классы как орудием угнетения трудящихся масс» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 159]. Уже упоминавшаяся нами ситуация именно с этим словом сводилась к тому, что надзорные за работой над словарем органы потребовали убрать большой корпус устойчивых выражений со словом «Бог»¹, и в итоге в ТСРЯ осталось 6 из них, наиболее распространенных («бог знает», «бог весть», «слава богу», «как бог на душу положит», «не дай бог», «избави бог»), проиллюстрированные примерами из сочинений Грибоедова, Пушкина и Крылова, а также расхожими выражениями из повседневной речи. Судя по всему, от сохранившейся полемики осталось в ТСРЯ указание составителей, данное в квадратных скобках: «Со словом *бог* в разг. речи сохранилось много ходячих выражений, в к-рых это слово уже потеряло свой смысл и к-рые употр. в качестве вводных слов, наречий, присловий, частиц и т. п.» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 159]. Это замечание верно с научной точки зрения: на самом деле, во многих подобных выражениях слово «Бог», «упоминаемое все», десемантизировалось или, по крайней мере, в нём стерлось сакральное значение. Однако очевидным становится и акцентирование составителями ТСРЯ этой десемантизации, что, с одной стороны, отражало необходимое соблюдение требований времени, с другой – позволяло включить в ТСРЯ больше языковых единиц, активных в русском языке независимо от официальной антихристианской идеологии.

¹«Любопытно мнение на этот счет самого Д. Н. Ушакова: «У нас статья на слово *бог* была полтора столбца. – "Много!" – говорят. Ну, давайте опустим фразеологию. А в боге-то фразеология и важна была. Мы ничего не смогли сделать и выпустили очень много» [Никитин 2016а: 60].

СГШ, т. 1. А–Д. СПб., 1891. Стб. 221–226 ¹	ТСРЯ, т. 1. М., 1935, стб. 159–165
<p>Богоборец, богоборник, богоборнический, богоборный, богоборство, богобоязливость, богобоязливый, богобоязненность, богобоязненный, богобоязный, боговдохновенный, боговидец, боговидный, Боговочеловечение, боговенчаный, богоданный, богодарованный, богодержавие, богодухновенный, богоизбранный, боголепный, боголепый, боголюбец, боголюбие, богомаз, Богоматерь, богомерзкий, богомилы, богомильский, богомильство, богомолец, богомолица, богомолка, богомол, богомолье, богомольник, богомольница, богомольничать, богомольнический, богомольничий, богомольничество, богомольный, богомольня, богомольство, богомольствовать, богомольщик, богомольщица, богомольщина, богомудрый, богомысленный, богомыслие, богомятежный, богоневестная, богоненавистник, богоненавистный, Богоносец, богонос, богоотводный, Богоотец, богооткровенный, Богоотроковица, богоотступник, богоотступнический, богоотступничество, богоотступный, богоподобный, богопознание, богопочитание, Богоприимец, богопрославленный, богопротивник, богопротивность, богопротивный, богоравный, Богородица, богородичен, богородичная, богородская (трава), Богорожник, Богословие, богословский, богословствовать, богослов, богослужбный, богослужение, богоснедник, богоспасаемый, боготворение, боготворить, богоугodie, Богоугодник, Богоугодница, богоугодный, богохваление, богохвальный, богохранимый, Богохуление, Богохульница, богохульничать, богохульнический, Богохульничество, Богохульный, богохульство, богохульствовать, Богочеловек, Богочеловеческий, богошник, Богоявление, богоявленный, Бог, божба, Боже, божедомка, божедомница, божедомный, божедомский, божедом, божедревко, боженье, Боженька, божеский, божественность, божественный, божество, божиться, божий, божница.</p>	<p>Бог, богаделенка, богаделка, богаделенный, богадельня, богоборец, богоборческий, богоборчество, богобоязненный, богоискатель, богоискательство, богомаз, Богоматерь, богомерзкий, богомол, богомолец, богомолка, богомолье, богомольный, богоносец, богоотступник, богоотступница, богоотступнический, богоотступничество, богоподобный, богопротивный, богородица, богослов, богословие, богословский, богословствовать, богослужбный, богослужение, богоспасаемый, богостроительство, боготворить, богоугодный, богохульник, богохульница, богохульничать, богохульный, богохульство, богохульствовать, богочеловек, Богоявление², боже, боженька, божеский, божественно, божественный, божество, божий, божиться, божница.</p>

¹ Слова приводятся в современной орфографии, но даются в том порядке, в каком они следуют в словаре. Прописные буквы указываются лишь в тех случаях, когда это совершенно необходимо (именования Божественных сил, церковных праздников и некот. др.); в остальных случаях применяются строчные буквы, несмотря на традицию написания многих из них в русской письменности (прежде всего XIX в.). В перечень не включаются слова, не имеющие отношение к христианству («богиня», «боговщина» («многобожие у степных инородцев» [СГШ 1891, 1: стб. 221]), «божок», «боготворка» («в сказках: человек или предмет, наделенный волшебной силой» [СГШ 1891, 1: стб. 225]).

² Помета в словаре: «Б. прописное» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 163].

О. О. Петрова отмечает: «В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова ...сокращается число религионимов: словообразовательное гнездо с корнем *бог* составляет всего около 50 слов. Толкования включают не только семантические ограничители дискурсивной отнесенности (*по религиозным верованиям, у верующих, в религии*), но и оценочные характеристики, как правило, негативные» [Петрова 2015: 88]. Действительно, в СГШ дано 127 слов с корнем *бог-/бож-*. В ТСРЯ их 54 (отметим: наиболее важных в ряду однокоренных слов). Это объясняется, несомненно, не только политикой составления ТСРЯ в имевшихся условиях, но и научной установкой составителей словаря под руководством Д. Н. Ушакова: новый словарь должен был стать не только максимально охватывающим всё богатство живой речевой практики, но и общедоступным. Это зависело прежде всего от компактности словаря и завершения работы над ним в кратчайшие сроки. В этом смысле ТСРЯ стал, несомненно, гораздо более продуктивным и востребованным широкой общественностью.

Несомненно, кроме количественных характеристик различает оба словаря и содержание соответствующих статей.

Так, например, слово «Богоматерь» в СГШ приводится без помет и толкуется так: «Матерь Божия, Богородица» [СГШ 1891, 1: стб. 222]; в ТСРЯ – «То же, что богородица» с пометой «церк. книжн.» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 161], а слово «богородица» с пометой «церк.» имеет следующее определение: «У христиан – мать Иисуса Христа; то же, что божья мать» и иллюстративный материал, сводящийся только к фразеологизму «сидеть богородицей» с пометами *простореч. ирон.*, по отношению к женщине обозначающему «сидеть сложа руки, ничего не делать» [Там же: стб. 162]. Слово «Богочеловек» в СГШ объясняется понятным каждому христианину образом: «воплотившийся Сын Божий» [СГШ 1891, 1: стб. 226]; в ТСРЯ с пометой *церк.* толкование уходит от образа Христа: «По религиозным и мифологическим представлениям – бог в образе человека» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 163].

Интересна разница в толковании слова «бogoотступничество». В СГШ оно таково: «отступление от Бога» [СГШ 1891, 1:

стб. 224], в ТСРЯ определение понятия более сложное: «религиозный перелом, состоящий в превращении верующего в противника религии» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 162], что вряд ли может считаться точным, ибо бogoотступничество не означает переход в антирелигиозность. «Бogoотступник» в СГШ толкуется с богословской точки зрения: «отступивший, отвергшийся от Бога» [СГШ 1891, 1: стб. 224], тогда как в ТСРЯ последовательно выдерживается мысль о переходе личности из области веры в неверие: «бogoотступник (*книжн. церк.*) – обратившийся из верующего в противника религии» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 161].

Выводы

Очевидно, что в ТСРЯ сакральная лексика подверглась достаточно ощутимому переосмыслению, а потому исторический и политический контекст словаря совершенно необходимо учитывать. Подчеркнем: речь идет именно о словаре, а не позиции авторов его статей. Иначе не было бы предваряющего словарь замечания «От редакции» об отражении в любом словаре «классовых интересов своей эпохи». Считаем справедливым наблюдение о том, что «невзирая на идеологические предписания, авторам ТСРЯ удалось включить достаточно полный объем религиозной лексики, снабдить эту лексику близкими к энциклопедическим толкованиями, переведя ее, однако, из активного употребления и представив с помощью различных помет и иллюстративного материала как явление словарной периферии (лексика устаревшая, функционирующая в книжной речи, характерная для ограниченного социума, имеющая отрицательные коннотации)» [Булыгина, Трипольская 2020: 206–207]. Согласимся с замечанием о том, что «не стоит думать, что ушаковская «дипломатия» (без нее нельзя обойтись) была подчинена конъюнктурным, корпоративным целям и свои часы сверяла с «генеральной линией»» [Никитин 2016b: 39]. Можно утверждать, что конъюнктуры в её неприкрытом виде Д. Н. Ушакову действительно удалось избежать – хотя бы потому, что ключевые в поле сакральной лексики единицы в ТСРЯ оказались не только отражены, но и снабжены соответствующими примерами и адекватными эпохе разъяс-

нениями. «При всей жесткости политики в области языкознания в 1930-е гг. «Ушаковский словарь» показал подлинные ориентиры современной лексикографии: нормативность, литературный язык, грамотность в отборе и толковании лексических единиц, широкий общефилологический и культурный кругозор. Даже в условиях сильного идеологического давления он смог противостоять марровским позициям в науке, сохранить четкие академические традиции в теории и практике создания толковых словарей и поныне является ориентиром в подготовке нормативных тезаурусов XXI века» [Никитин 2016b: 39].

Добавим: словарь под редакцией Д. Н. Ушакова стал еще и бесценным документом эпохи, отразившим сложную языковую картину переломного момента в мировоззрении целой нации огромной страны [Алпатов 2012]. Успешность этого проекта обеспечивалась слаженной рабо-

той коллектива под предводительством Д. Н. Ушакова, мужественной, в чем-то компромиссной позицией редактора, филологическим профессионализмом и феноменальным языковым чутьем. Жизненный путь Дмитрия Николаевича, человека, вышедшего из духовной среды, казалось, вел его в нужном направлении вопреки штампам «революционной» эпохи. И как человек, и как педагог, и как ученый-мыслитель он был во многом уникален [Памяти Д. Н. Ушакова... 1992]. В историческом масштабе советский период стал, по сути, одним мгновением в тысячелетнем христианском развитии русскоязычного сознания. Тем более значимым видится теперь словарь, запечатлевший это мгновение во всей его сложности, особенно в части, касающейся языкового оформления основополагающих начал духовной жизни русского народа.

Источники

[СГШ] – Словарь русского языка / Под ред. Я. К. Грота, А. А. Шахматова и др. – СПб.; Л. : Изд-во Академии наук, 1891–1936.

[Евгеньева] – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://kartaslov.ru>. (дата обращения: 31.07.2023).

[ТСРЯ] – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. – М. : Сов. энциклопедия, ОГИЗ, 1934–1940.

Литература

Аванесов, Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков / Р. И. Аванесов // Русская речь. – 1973. – № 3. – С. 99–105.
Алпатов, В. М. Языковеды, востоковеды, историки / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 374 с.

Булыгина, Е. Ю. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном слове / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 3. – С. 204–215.

Казаков, Г. А. Сакральная лексика в системе языка / Г. А. Казаков. – М. : ИД «КДУ», 2016. – 142 с.

Круглов, В. М. Незданные фрагменты «Словаря Я. К. Грота – А. А. Шахматова» второй половины 1920-х гг. из архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН / В. М. Круглов // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : Сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемывшева. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 927–937.

Легенда русского слова – лингвист и педагог : к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова : библиографический указатель / сост. М. Г. Сороколетова. – Курск, 2023. – 27 с.

Науменко, С. В. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018а. – Т. 79, № 9. – С. 67–74.

Науменко, С. В. Орфографический меморандум Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018b. – Т. 79, № 1. – С. 57–65.

Нефёдов, И. В. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи / И. В. Нефёдов, Т. П. Нефёдова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 8–13.

Никитин, О. В. «Ушаковская эпопея» (неизвестные страницы знаменитого словаря) / О. В. Никитин // Русская речь. – 2016а. – № 3. – С. 51–62.

Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016b. – № 3. – С. 27–40.

Памяти Д. Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) / Публикация Н. Д. Архангельской и Т. Г. Винокур // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. – Т. 51, № 3. – С. 63–81.

Пестова, А. Р. О некоторых проблемах стилистической квалификации слов в толковых словарях / А. Р. Пестова // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2020. – Т. 79, № 5. – С. 51–68.

Пестова, А. Р. Критерии постановки стилистических помет *разг.* и *прост.* в академических толковых словарях / А. Р. Пестова // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. – 2021. – № 3. – С. 141–149.

Петрова, О. О. Культурно-идеологическая семантика в религиозном дискурсе в толковых словарях русского языка XIX–XXI вв. / О. О. Петрова // Вестник Московского государственного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2015. – № 3. – С. 85–93.

Смирнова, С. А. О понятии «церковная лексика» / С. А. Смирнова // Научный диалог. – 2014. – № 12 (36): Филология. – С. 84–97.

Стукова, Е. Г. Академический «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в контексте лексикографической и культурно-речевой ситуации 1920–1930-х гг. / Е. Г. Стукова // История, теория и практика академической лексикографии: Юбилейный сборник научных статей / ред. Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Е. В. Пурицкая. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – С. 64–74.

Ушаков, Д. Н. Вокруг «Толкового словаря» / Д. Н. Ушаков // Литературная газета. – 15 ноября 1935. – № 63 (554). – С. 6.

References

Alpatov, V. M. (2012). *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, Historians]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 374 p.

Arkhangelskaya, N. D., Vinokur, T. G. (1992). Pamyati D. N. Ushakova (k 50-letiyu so dnya smerti) [In Memory of D. N. Ushakov (on the 50th Anniversary of His Death)]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 51 (3), pp. 63–81.

Avanesov, R. I. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitry Nikolaevich Ushakov]. In *Russkaya rech.* 3, pp. 99–105.

Bulygina, E. Yu., Tripolskaya, T. A. (2020). *Protsessy ideologizatsii i deideologizatsii v russkom religioznom slovare* [Processes of Ideologization and Deideologization in the Russian Religious Dictionary]. In *Siberian Philological Journal*. No. 3, pp. 204–215.

Kazakov, G. A. (2016). *Sakral'naya leksika v sisteme yazyka* [Sacred Vocabulary in the Language System]. Moscow, Publishing house KDU. 142 p.

Kruglov, V. M. (2015). Neizdannyye fragmenty “Slovary Ya. K. Grota – A. A. Shakhmatova” vtoroi poloviny 1920-kh gg. iz arkhiva Bol'shoi slovarnoi kartoteki ILI RAN [Unpublished Fragments of the “Dictionary of Ya. K. Grot – A. A. Shakhmatov” of the Second Half of the 1920s from the Archive of the Large Dictionary Card Index ILR RAS]. In *Academician A. A. Shakhmatov: Life, Creativity, Scientific Heritage: Collection of Articles for the 150th Anniversary of the Scientist's Birth*. Saint Petersburg, Nestor-History. Pp. 927–937.

Naumenko, S. V. (2018a). Voprosy orfograficheskoi normalizatsii v “Tolkovom slovare russkogo yazyka” pod red. D. N. Ushakova [Problems of Orthographic Normalization in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov]. In *Russian language at school*. Vol. 79. No. 9, pp. 67–74.

Naumenko, S. V. (2018b). Orfograficheskii memorandum D. N. Ushakova [Spelling Memorandum of D. N. Ushakov]. In *Russian language at school*. Vol. 79. No. 1, pp. 57–65.

Nefedov, I. V., Nefedova, T. P. (2013). Otrazhenie sistemnosti leksiki russkogo yazyka v pervom tolkovom slovare sovetskoi epokhi [Reflection of the Systematic Vocabulary of the Russian Language in the First Explanatory Dictionary of the Soviet Era]. In *The world of the Russian word*. No. 1, pp. 8–3.

Nikitin, O. V. (2016a). Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovary [Ushakov's Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Nikitin, O. V. (2016v). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya “Tolkovogo slovary russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova [Domestic Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 27–40.

Pestova, A. R. (2020). O nekotorykh problemakh stilisticheskoi kvalifikatsii slov v tolkovykh slovaryakh [On Some Problems of Stylistic Qualification of Words in Explanatory Dictionaries]. In *Izvestiya of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*. Vol. 79. No. 5, pp. 51–68.

Pestova, A. R. (2021). Kriterii postanovki stilisticheskikh pomet razg. i prost. v akademicheskikh tolkovykh slovaryakh [Criteria for Setting Stylistic Litters of *Colloquial* and *Simple* in Academic Explanatory Dictionaries]. In *Modern Russian Lexicology, Lexicography and Linguogeography*. No. 3, pp. 141–149.

Petrova, O. O. (2015). Kul'turno-ideologicheskaya semantika v religioznom diskurse v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka XIX–XXI vv. [Cultural and Ideological Semantics in Religious Discourse in Explanatory Dictionaries of the Russian Language of the XIX–XXI Centuries]. In *Bulletin of M. A. Sholokhov Moscow State University. Philological sciences*. No. 3, pp. 85–93.

Smirnova, S. A. (2014). O ponyatii “tserkovnaya leksika” [On the Concept of “Church Vocabulary”]. In *Scientific Dialogue*. No. 12 (36): Philology, pp. 84–97.

Sorokoletova, M. G. (Ed.). (2023). *Legenda russkogo slova – lingvist i pedagog: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova: bibliograficheskii ukazatel'* [Legend of the Russian Word – Linguist and Teacher: To the 150th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov: Bibliographic Index]. Kursk. 27 p.

Stukova, E. G. (2022). Akademicheskii “Slovar’ russkogo yazyka” pod red. N. S. Derzhavina i “Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka” pod red. D. N. Ushakova v kontekste leksikograficheskoi i kul'turno-rechevoi situatsii 1920–1930-kh gg. [Academic “Russian Dictionary” Edited by N. S. Derzhavin and “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov in the Context of Lexicographic and Cultural-Speech Situation of the 1920s – 1930s]. In *History, Theory and Practice of Academic Lexicography: Jubilee Collection of Scientific Articles*. Ed. R. I. Vorontsov, O. N. Krylova, M. N. Priemysheva (ed.), E. V. Puritskaya. Saint Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, pp. 64–74.

Ushakov, D. N. (1935). Vokrug “Tolkovogo slovyara” [Around the “Explanatory Dictionary”]. In *Literaturnaya Gazeta*. 63 (554), p. 6.

Данные об авторе

Терешкина Дарья Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кадровой политики и управления персоналом, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС, Новгородский филиал) (Великий Новгород, Россия).

Адрес: 173003, Россия, г. Великий Новгород, ул. Германа, 31.

E-mail: terdb@mail.ru.

Author's information

Tereshkina Darya Borisovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Personnel Policy and Personnel Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА, Veliky Novgorod branch) (Veliky Novgorod, Russia).

Дата поступления: 01.11.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 01.11.2023; date of publication: 30.12.2023